

Денис Карпеев

Доминион

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.4
ББК 84(2)6
К26

Карпеев Д. С.

Доминион / Д. С. Карпеев — Москва: ЛитРес: Самиздат,
2019. — 272 с.

ISBN 978-5-532-08295-3

Группа российских астрономов, на задворках солнечной системы обнаруживает объект, появление которого противоречит законам физики и логики. Что будет когда и если он приблизится к Земле?... После падения челябинского метеорита, на Земле создаётся служба, задачи которой выявлять и по возможности предупреждать заранее, угрозу из космоса. То, что эта служба обнаружила и дальнейшие события, описываемые в этой книге перевернут все представления жителей Земли, о своей истории, настоящем и ближайшем будущем. Обложка: Матовников Михаил

ISBN 978-5-532-08295-3

© Карпеев Д. С., текст, 2016
© Omiko Trading LTD., оформление, 2019

После падения Челябинского метеорита, произошедшего зимой две тысячи тринадцатого года, общественность всего мира была поражена до предела. Конечно же, в первую очередь самим фактом падения, но самое главное, тем, что никакие властные структуры не смогли не то что предупредить жителей о его появлении, но даже не смогли вовремя его обнаружить. Вовремя, то есть заранее. Не обнаружили, не предупредили, не просчитали траекторию, не эвакуировали граждан. В общем, не сделали ничего. Потому, что не успели. Не было таких служб, а главное никто не перед кем не ставил такую задачу, отслеживать и предупреждать о возможных появлениях метеоритов. Нет, сами астрономы, если в ходе научных изысканий что-нибудь подобное замечали, непременно докладывали о находке, но вот системно, конкретным отслеживанием опасных для цивилизации объектов могущих нагрянуть из космоса не занимался никто. Слава богу, обошлось без жертв. Стекла, оконные рамы, кровли, автомобили, облицовка зданий и тому подобное, это все конечно страшно и неприятно, но в целом ущерб от падения был не таким уж и великим, да и метеорит был маленький, его кстати так и не нашли, так что вопрос, метеорит ли это вообще был. Спустя несколько месяцев об этом ужасном, по сути, происшествии большинство населения планеты позабыло, за исключением, пожалуй, самих жителей Челябинской области.

Однако кое-какие последствия этого падения все-таки были. Эти последствия не освещали в средствах массовой информации, не обсуждали в интернете и не спорили о них на всевозможных кухнях. Их вообще засекретили по высшему разряду, потому как большинство людей на планете, которые «решают» признали полный провал всех противовоздушных, противокосмических, астрономических, метеорологических, и всех остальных служб, которые хоть как то связаны с наблюдением за небом и космосом. Было проведено ряд встреч и заседаний на самых высоких уровнях, с привлечением уймы всевозможных экспертов из НАСА, Роскосмоса, Европейского Космического Агентства и других подобных служб со всего мира. И на этих заседаниях и встречах были получены одни и те же неутешительные выводы. Даже если современному обществу все-таки

удастся создать некую общую службу, условно говоря, по наблюдению за небом, то в случае обнаружения новых небесных тел, стремящихся упасть на планету, все равно, никто ничего поделать не сможет. В смысле повлиять на само это падение.

Не сбить, не изменить траекторию, не уничтожить, ничего. Тем не менее, было принято решение, все-таки такую службу создать. Ну, если нет возможности повлиять, то хотя бы заранее узнать о приближении не мешало бы. Можно было бы по крайней мере подготовиться как то, спасателей мобилизовать, жителей предупредить, припасы какие-нибудь запасти. В общем, было принято решение создать, разработать планы по функционированию, просчитать необходимые действия, а главное, ну естественно, посчитать, сколько все это будет стоить, и какие есть варианты развития нового института, как им работать, куда смотреть, чем смотреть, кому смотреть и так далее и тому подобное. И даже название ей было придумано особенное, специфическое – служба "Защиты от Небесных Тел". – "З.О.Н.Т". Зонт. Правда, по-английски аббревиатура звучала не так точно и значительно.

В общем, спустя полгода, служба была сформирована и приступила к работе, используя, так сказать, что было. И тут же выяснилось, что того "что было", категорически не хватает. То есть ничтожно мало. Все современные телескопы всех спектров, уровней и поколений, позволяют одновременно обозревать всего лишь 6 % общей площади неба, а точнее космоса. Радары не дальнобойные телескопы узконаправленные, хотя «видят» точнее «смотрят» очень далеко. И что бы покрыть все пространство необходимо столько техники, сколько экономический потенциал всего человечества создать и поставить в строй не сможет еще много, много лет. В общем, обсудив сложившуюся ситуацию на очередном совете, сверхсекретной группой представителей было принято решение "забить".

То есть, оставить, все как есть. Раз не можем повлиять на ситуацию, то и пусть её.

Нет, службу конечно оставили, и финансирование оставили, и круглосуточное дежурство оставили, но основной упор направили на разработку новой концепции. Концепции минимизации послед-

ствий. Пусть смотрят, пусть ищут, даст бог, предупредят, мы же будем думать, о том, как действовать потом, когда свершится, какие склады НЗ создать, какие резервы подключить. В общем как сделать так, что бы потом легче разгрести было. На этом все и остановилось. Точнее вяло развивалось, высказывались предложения, предлагались необычные варианты и так далее. В общем, через полтора года, вся эта проблема сошла на нет и о ней просто позабыли. Вернее старались не вспоминать. Однако служба потихоньку работала. Десятки астрономов по всему миру дежурили "у неба", как они сами называли свои принудительные вахты, но большинство все таки не надеялось преуспеть в деле заблаговременного обнаружения потенциально опасных небесных тел, все они были люди ученые и понимали ничтожную возможность этого, хотя потенциально опасных небесных тел в нашей родной солнечной системе было предостаточно. Но все таки «служба» была создана не зря, и она в конце концов выполнила свою задачу. И даже заблаговременно...

Глава 1

Николай Викторович Удальцов устало снял очки и начал массировать пальцами веки. Глаза болели и слезились. Он ждал своей очереди на Хаббл и как всегда, что бы не терять зря время пялился в механический окуляр, подведенный в его лабораторию, от его же телескопа. Ну как его же. Государственного, конечно же, Российского. Но он был директором научно исследовательской станции «Архыз». Которая, как раз и располагалась в одноименном ущелье, на Северном Кавказе.

Нет, естественно это станция была названа в честь ущелья, а не наоборот. Станция входила в состав научного городка, образованного вокруг БТА. Большого Телескопа Альт – Азимутального. Это был самый большой в Европе телескоп, имеющий диаметр зеркала чуть более шести метров. Вот директором этого телескопа, а так же всего научного городка и астрофизического научно исследовательского института Николай Викторович и был. И поэтому называл телескоп своим. В него он и пялился до рези в глазах в очереди "на Хаббл".

Да конечно, мы живем в 21 веке, само собой разумеется, что вся работа на телескопе была компьютеризирована и автоматизирована. Все что «видел» телескоп передавалось на гигантские мониторы, все тщательно записывалось и сохранялось на жестких дисках, а так же параллельно на больших магнитных лентах и когда необходимо даже на обычных фото пленках большого формата и очень высокого разрешения. Но Николай Викторович был ученым старого формата, хотя и не старым по возрасту, ему было всего-то 54, не много по меркам работников его профессии. Так вот, он считал, что лучше всего все видеть собственными глазами, непосредственно в оптику, и в режиме реального времени. Потому как, мониторы и фото матрицы имеют такое дурацкое свойство как «разрешение», магнитная пленка и фотографии погрешность материала-носителя, а видеозаписи – количество кадров в секунду. Конечно, космос явление статичное, особенно дальний, в нашем понимании, но все равно, мало

ли, вдруг какое НЛО промелькнет (что не единожды было в практике Николай Викторовича, хотя и не так часто, честно говоря, три раза, за 25 лет наблюдений) и аппаратура по каким-то причинам не зафиксирует данный факт. (Что так же бывало). В общем, директор любил смотреть в окуляры сам лично. И никогда не уставал, (в моральном смысле, в физическом же уставал до изнеможения) лицезреть необъятные просторы космического пространства.

Телескоп никогда не выключался. Не на минуту. Не днем не ночью. Он транслировал и транслировал. Механические приводы тарелки крутились и вертелись, изо дня в день, без перерыва и выходных, десятки лет подряд. Вернее не все время в движении, как раз наоборот. Сместилась тарелка на градус, зафиксировалась, снимает, пишет, транслирует. Час, день, иногда даже неделю. В зависимости от задачи группы, которая в данный момент работает на телескопе. Закончилась исследовательская программа, тарелка поменяла угол обзора, зафиксировалась, смотрит, снимает, транслирует. Программы расписаны на годы вперед. Ученые со всего мира в очереди стоят, что бы в телескоп Николая Викторовича посмотреть. Японцы, французы, американцы, все. Со всего света. Не физически конечно же в очереди стоят, перед телескопом, а у себя в лаборатории сидят ждут, когда заказанная ими исследовательская программа запустится, тарелка развернется на нужный им квадрат космоса, данные по сети им на компьютеры пойдут. У каждого своя задача, свой предмет изучения, кто-то галактики конкретные заказывает, кто-то туманности, кто-то звезды. Один час работы телескопа стоит 2 миллиона долларов США. Институты оплачивают. И очередь стоит. На месяцы вперед. Телескопов такого уровня в мире ничтожно мало. И стоят они непомерно дорого. А космос нужен всем.

Вот и Николай Викторович в очереди стоит. Только на Хаббл. Этот архызский телескоп не дотягивается до нужной ученому зоны. Десять минут осталось, до начала его программы. Шесть месяцев ждал. Хаббл это вообще самый «крутой», как его племянник Андрейка говорит, телескоп. Он на орбите расположен и по этому, дает самую лучшую картинку, без всяческих помех, которые атмо-

сфера наводит, никакой пыли, никаких облаков, никакого отраженного света городов. Идеал. Николай Викторович изучает столкновение трех галактик, расположенных далеко за созвездием «Плеяды», пытается найти следы образования Квазаров. Это его тема, над которой он уже три года работает. Жаль только на Хаббле в окуляр посмотреть нельзя. На орбите он.

– Николай Викторович, пять минут – это Игорь, его зам ему напоминает, вдруг задумался, пропустит еще.

– Знаю, знаю, все готовы? – директор осмотрел свою лабораторию, встретился глазами со всеми, находящимися в зале, двенадцать ученых, за своими компьютерами в ожидании потирают руки, притихли, ждут. Хотя, чего ждать, действий ведь никаких не требуется, включилась сессия, сиди, следи за мониторами, записывай трансляцию, корректируй увеличение и градус обзора. Вся основная работа начнется потом, когда все записано. Анализ материала, изучение и сравнение картинки в разных спектрах и так далее и тому подобное. В принципе вообще человек сейчас не нужен, можно было спокойно дома спать, а завтра по записанному материалу работать, но нет, все собрались, всем интересно «вживую» за миллион световых лет заглянуть. Фанатики. Ученые.

Однако произошло ЧП.

На 23 минуте программы произошел сбой. Или не сбой. Засвет. Вспышка. Короткая, практически мгновенная вспышка.

– Внимание вспышка! – тут же подтвердил Игорь, заместитель директора, хотя все и так её заметили. – Олежек, отмотай, посмотри, распорядился он.

– Отставить Олежек – по военному внес коррективу Николай Викторович, – Ирочка, изучаешь вспышку, остальные не отвлекаемся, по заданным программам!

– Но Николай Викторович, я и так не успеваю, – Ирина Павшина скривила свои красивые, алые губки.

– Давай, я все равно твое направление дублирую, займись, вспышка в космосе, без последствий это интересно, потом вер-

нешься на программу, у нас еще 36 минут, до конца сеанса, выделяю пять минут тебе на вспышку.

И все снова уткнулись в свои мониторы, лихорадочно стуча по клавиатурам.

– Вспышка и вспышка, действительно без последствий, – через несколько минут отозвалась Ирина. Она отмотала файл с видеозаписью, просмотрела момент, увеличила его до предела и стала комментировать: – в квадрате E8, время 1.1236 десяти тысячных секунды, размер 9 микрометров, смещение E8–678 на E8–832, далее, увеличение, размываемость до туманности и исчезновение, все в пределах обозначенного времени. "Больше все" (это у них фраза с приколом такая, Гога Тхеидзе грузин так один раз выразился на одном из докладов, имея в виду – больше ничего). Ушла на программу.

"Больше все" мысленно повторил про себя Николай Викторович, и продолжил исследования. Больше действительно никаких происшествий не случилось. Группа отработала положенный час. После чего программа исследований закончилась, и трансляция с Хаббла в Архыз прекратилась.

Глава 2

Ученые откинулись на спинках кресел, кто-то устало потянулся, кто-то закурил, кто-то побежал включать электрический чайник, кто-то торопливо засобиравшись домой, в городок. На улице было половина четвертого утра и всем ужасно хотелось спать. Однако Николай Викторович остановил собирающихся, подал Ирине, как самой молодой свою кружку, для «наведения» в нее кофе и сказал.

– Так господа. А теперь никто не расходится. – переместился со своего рабочего места за круглый стол, жестами приглашая остальных присоединяться, дождался кофе, закурил сигарету и задумчиво произнес как бы сам для себя, ожидая когда все усядутся. – Больше все.

Подчиненные смиренно бросили свои пожитки и так же переместились за круглый стол, предназначенный для общих собраний и так называемых мозговых штурмов.

Кому не хватило места, повернулись на креслах и подкатились поближе.

Все поняли, что директор будет обсуждать происшедшее ЧП.

– Ирочка выведи на большой экран это твое "больше все" – тут же подтвердил директор тему обсуждения. Ирина вывела на двухметровый, сумасшедшего разрешения, фантастически цветастый и непомерно дорогущий монитор, отрывок видеозаписи со вспышкой и «зациклив» его дала максимальное увеличение, все они были профессионалами, и им не надо было говорить, что конкретно делать.

По – этому Ирина самостоятельно стала управлять файлом, не дожидаясь уточняющих команд. На экране появилось очень малая часть млечного пути. Картинка была разбита на 100 квадратов, 10 по вертикали, 10 по горизонтали, затем сектор E8 приблизился и занял собою весь экран. Квадрат изображения был размечен еще на 100 ячеек. Это стандартная астрономическая насечка, что бы проще было ориентироваться в бескрайних просторах космоса.

Потом все увидели вспышку. Достаточно яркую, но не настолько, что бы затмила изображение звезд вокруг. Просто вдруг появилось